

То, что Читянь в свое время забрал лишь двадцать процентов внутренней силы, объяснялось вовсе не его мягкосердечием. Просто тогда он еще не до конца овладел тёмным искусством «Поглощение луны». Попробуйся он продолжить силой, это лишь навредило бы ему самому, поэтому он просто сделал широкий жест в отношении новоиспеченного защитника. Однако в последние годы Храм Фэньхо проявлял все большую активность, проливая все больше крови. Читянь непрерывно поглощал внутренние силы других мастеров, и теперь уже никто не мог с точностью сказать, каких высот достигло его мастерство. Он стал подобен зловещему призраку из преисподней.

Читянь не горел желанием встречаться с Ли Суем. Он знал, насколько тяжелые раны когда-то получил его младший соратник, и понимал, что тот все эти годы толком не отдыхал. Жизненные силы Ли Суя наверняка были на исходе, и жить ему оставалось недолго. К тому же Читянь так и не разгадал секрет странных приемов, с помощью которых Ли Сую когда-то удалось спастись на заснеженном утесе. От этого его ненависть к Тяньмыньцзы лишь крепла: они ведь договаривались тренироваться вместе, так почему учитель в итоге утаил от него это искусство?

Ли Суй, напротив, жаждал встречи с Читянем. Ему нужно было убить его в кратчайшие сроки. Если удастся покончить с Читянем, собственная жизнь или смерть его не заботили.

Но теперь... умирать ему почему-то перехотелось.

...

Глубокая ночь.

Цзян Шэнлинь сладко спал в своей постели, как вдруг почувствовал, что по спине пробежал леденящий холодок. Открыв глаза, он смутно разглядел в темноте чей-то силуэт, и у него едва душа в пятки не ушла.

— А-а-а!

— Ты чего орешь, как оглашенный? — недовольно спросил Ли Суй.

Цзян Шэнлинь сел, плотнее кутаясь в одеяло. Сердце его колотилось так бешено, словно готово было выскочить из груди:

— Ты сидишь посреди ночи у моей кровати, словно призрак, и еще спрашиваешь, чего я кричу?!

Ли Суй спросил прямо:

— Сколько мне еще осталось?

Цзян Шэнлинь:

— ...

Цзян Шэнлинь зажег свечу на прикроватной тумбочке:

— Что, неужели наконец решил, что жить все-таки лучше?

— Сколько лет? — спросил Ли Суй.

— Я же говорил тебе раньше, — вздохнул Цзян Шэнлинь. — Если бы ты строго следовал моим предписаниям, то прожил бы еще лет десять, а то и все двадцать. Но ты же никогда меня не слушал и так долго изводил себя... Ладно, я попробую поискать другие способы. Может, на десять лет мы все же сможем рассчитывать.

— А сколько, по-твоему, проживет он? — снова спросил Ли Суй.

Цзян Шэнлинь посмотрел туда, куда тот указывал пальцем, и ответил:

— Ну, если не случится бури или землетрясения, эта деревянная стена простоит еще лет двести-триста, выглядит она весьма добротно.

Ли Суй нахмурился.

Присев на стул, Цзян Шэнлинь продолжил:

— А если ты про соседа за стеной, то у второго молодого господина Чжу, не считая его старой травмы головы, больше нет никаких недугов. Он спокойно проживет еще лет пятьдесят, не меньше.

Десять лет против пятидесяти.

— А если я тоже хочу прожить еще пятьдесят лет? — спросил Ли Суй.

Цзян Шэнлинь оторопел: «Ну ты и размечтался!»

В то же время он был крайне озадачен. Раньше Ли Суй совершенно не дорожил своей жизнью, а теперь вдруг вздумал соревноваться в долголетьи со вторым молодым господином Чжу? Тот изнеженный молодой господин рос в такой роскоши, что случись у него легкая простуда — вокруг него засуетилось бы человек восемнадцать. Если уж сравнивать, то Ли Суй сейчас походил на дырявое деревянное сито, тогда как юноша был целой, белоснежной фарфоровой пиалой. Их вообще нельзя было ставить в один ряд.

— Значит, ты ничего не можешь сделать? — спросил Ли Суй.

Цзян Шэнлинь развел руками:

— Спроси ты меня прямо сейчас — конечно, нет. Но если ты будешь послушно выполнять мои указания и позволишь мне не торопясь поискать другие средства, то кто знает, может, со временем мы чего и добьемся. Проживешь двадцать лет, а то и тридцать.

— Пятьдесят, — упрямо повторил Ли Суй.

— Вспомни все те ночи, когда ты отмачивал себя в ледяных источниках, — вздохнул Цзян Шэнлинь. — Когда ты пытаешься торговаться со мной, у тебя совесть хоть немного не покалывает?

— Нет, — ответил Ли Суй.

Цзян Шэнлинь:

— ?

Мысленно выругался.

В конце концов он пообещал ему только двадцать лет. И то при условии, что пациент будет послушным: перестанет пропускать прием лекарств, не станет принимать что попало и прекратит злить своего лекаря.

Ли Суй кивнул:

— Хорошо.

Цзян Шэнлинь воспользовался моментом и спросил:

— А почему ты вдруг передумал умирать?

— Понял, что жить на самом деле довольно интересно, — ответил Ли Суй.

— И что именно ты вкладываешь в это «интересно»? — решил докопаться до сути целитель.

— Многое.

Цзян Шэнлинь состроил озабоченную мину:

— Если ты не объяснишь толком, мне будет трудно подобрать для тебя правильное лекарство.

Ли Суй развернулся к выходу:

— Проваливай.

Цзян Шэнлинь выскочил следом и ухватился за дверной косяк:

— Ну назови хотя бы что-то одно!

Ему и правда было безумно любопытно.

— Ну, например, мне показалось весьма забавным то, что я только что раздавил три горшка с твоими серебролистными цветами, — бросил Ли Суй.

У Цзян Шэнлиня словно земля ушла из-под ног:

— Ах ты! Поверить не могу! Я тебе за это целый год жизни выччу!

Ли Суй слегка улыбнулся и вышел со двора.

Цзян Шэнлинь поспешил к импровизированной клумбе у заднего окна. Увидев, что серебролистные цветы целы и невредимы и этот дьявол их не тронул, он наконец с облегчением выдохнул.

Ли Суй не пошел к дому Чжу Яньиня. Сперва он думал провести всю ночь на крыше под порывами прохладного ветра, но потом вспомнил давний наказ Цзян Шэнлиня — «по ночам нужно хорошенько отдыхать» — и вернулся в свою спальню.

Двор заливал яркий, чистый лунный свет.

Раннее утро следующего дня.

Стоило едва рассвети, как Чжу Яньинь уже стоял, выпрямившись во весь рост, перед дверями божественного целителя и вежливо стучал.

Но какими бы изысканными ни были манеры, это все равно прерывало чужой сон. Из-за ночного визита Ли Суя Цзян Шэнлинь и так толком не выспался, а тут его еще и безжалостно разбудил стук Чжу Яньиня. От этого у него в горле даже дыхание сперло от легкого раздражения.

«Спокойно, я же целитель. Мне нужно быть благожелательным и мягким. Терпение, только терпение».

Разговор Чжу Яньиня сразу завел о Ли Суне. Он поинтересовался:

— Владыка дворца Ли вчера вернулся глубокой ночью?

Цзян Шэнлинь посмотрел на легкие тени под его глазами:

— Он и тебе не дал выспаться?

Чжу Яньиня согласно закивал:

— Угу.

Пропустив гостя в комнату, Цзян Шэнлинь стал открывать окна и заговорил:

— На самом деле это даже к лучшему. Помнишь, я всю дорогу запрещал ему забираться в холодные источники?

— Помню, — ответил Чжу Яньиня. — Вы говорили, что ледяная вода дает лишь временное облегчение, но вредит здоровью в долгосрочной перспективе.

— Но он все равно часто туда окунался, — вздохнул Цзян Шэнлинь. — Он никогда не ценил свою жизнь и ради того, чтобы поскорее покончить с Читянем, готов был пожертвовать собой. Но вчера ночью он словно белены объелся — внезапно одумался! Пришел ко мне расспрашивать, как ему прожить дольше. И даже заговорил о том, чтобы протянуть еще лет пятьдесят.

— Неужели? — удивился Чжу Яньиня.

— Вот именно, — Цзян Шэнлинь все никак не мог найти этому объяснение. — Точно бес попутал.

Чжу Яньиня опустил голову и сделал пару глотков остывшего со вчерашнего дня чая. На вкус тот оказался весьма недурен.

— И кроме желания пожить подольше, владыка дворца Ли больше ничего не говорил?

Цзян Шэнлинь подумал: «Он еще пытался выяснить, проживет ли дольше тебя, но об этом лучше умолчать, а то точно решишь, что он лишился рассудка».

Поэтому божественный целитель твердо ответил:

— Нет, больше абсолютно ничего.

— Хорошо, — Чжу Яньиня поставил чашку. — Тогда я пойду.

Но дойдя до двери, он обернулся:

— Хочу спросить еще об одной вещи.

Цзян Шэнлинь кивнул, показывая, что слушает.

— Божественный целитель, а какие девушки вам нравятся? — спросил Чжу Яньинь.

Цзян Шэнлинь растерялся.

Чжу Яньинь невозмутимо добавил:

— В моей семье много сестер и кузин.

Цзян Шэнлинь никогда раньше не задумывался о подобном, так что у него даже слегка закружилась голова:

— Ну... нежные и заботливые.

Чжу Яньинь тут же спросил:

— А владыке дворца Ли какие нравятся?

Цзян Шэнлинь еще продолжал перебирать в уме достоинства нежных и заботливых дев, как вдруг разговор резко сменил русло. Он представил вечно мрачное лицо Ли Суя, от которого веяло леденящей угрозой. Какая нормальная барышня выдержит такое? Тем более хрупкие барышни из Цзяннани. И потому он выпалил без колебаний:

— Ему нравятся пышногрудые.

Чжу Яньинь подумал: «Всего хорошего!»

...

Ли Суй на самом деле тоже спал неважно, но по крайней мере провел в постели часа четыре. Он наспех умылся холодной водой, как вдруг раздался стук в дверь.

Чжу Яньинь откашлялся и спросил:

— Ты уже встал?

Ли Суй распахнул дверь.

Чжу Яньинь сменил наряд на белое одеяние с нежно-голубым отливом, отчего выглядел еще свежее и привлекательнее, чем вчера:

— Ты сегодня свободен?

— А что? — спросил Ли Суй.

Чжу Яньинь озорно улыбнулся:

— Если тебе делать нечего, давай сходим к Лю Сияну.

Глядя на его улыбку, Ли Суй тоже невольно улыбнулся:

— Хорошо.

Ни один из них не упомянул вчерашнюю размолвку. То ли они пришли к молчаливому согласию, то ли у каждого были свои скрытые мотивы, но, так или иначе, оба пребывали в прекрасном расположении духа.

И лишь Лю Сиян, живший через три дома от них, недоумевал:

— ...

Объяснить причину он не мог, но его внезапно одолела крайняя нужда.

К этому времени обитатели усадьбы Лю уже проснулись. Размявшись во дворе, они сбились в кучку и принялись вполголоса обсуждать вчерашний визит Чжу Яньиня. Ходили слухи, что тот увлеченно беседовал с их молодым хозяином об антиквариате и живописи, причем беседа протекала весьма живо.

— Радовался там один только второй молодой господин Чжу, — заметил первый ученик. — Наш молодой хозяин вряд ли разделял его восторг.

Второй ученик тут же полюбопытствовал:

— С чего ты взял?

<http://bllate.org/book/18290/1754140>